

12+

СЕН ЖЕРМЕН: ТАЙНА БЕССМЕРТИЯ

Владимир Иванов

Владимир Иванов

Сен-Жермен: Тайна бессмертия

«Издательские решения»

Иванов В.

Сен-Жермен: Тайна бессмертия / В. Иванов — «Издательские решения»,

Он обманул королей, шпионил для Людовика XV, дружил с Казановой и, возможно, жив до сих пор. Граф Сен-Жермен — самая загадочная фигура Просвещения. Алхимик, дипломат, композитор, бессмертный странник... Или гениальный мистификатор? Независимый исследователь Владимир Иванов (Библиотека знаний КОН) провёл собственное расследование: жирным курсивом — строгие факты из архивов, обычным шрифтом — легенды и версии. Решать вам. Но помните: граф, возможно, тоже читает эту книгу. 2026 г.

© Иванов В.

© Издательские решения

Содержание

ДИСКЛЕЙМЕР	6
Вступление	7
Предисловие. Между историей и мифом	9
Часть I. Происхождение незнакомца	11
Глава 1. Тайна колыбели	11
Глава 2. Юность под покровом легенды	14
Часть II. При дворах и в тайных канцеляриях	17
Глава 3. Первые появления и лондонский скандал	17
Глава 4. Вена, Бель-Иль и путь в Париж	20
Глава 5. Фаворит Людовика XV и мадам де Помпадур	23
Глава 6. Дипломатическая дуэль: миссия в Гаагу	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Сен-Жермен: Тайна бессмертия

Владимир Иванов

Иллюстратор Владимир Иванов

© Владимир Иванов, 2026

© Владимир Иванов, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0070-7467-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ДИСКЛЕЙМЕР

Данная книга создана на основе открытых источников, архивных документов, мемуаров, исторических исследований, а также материалов из области эзотерики и конспирологии, которые автор счёл имеющими право на публикацию в рамках культурно-просветительского проекта.

Автор не является носителем официальной академической степени по истории и не претендует на звание «объективного» историка. Он работал с теми документами, которые смог обнаружить в открытом доступе, в том числе в цифровых архивах, библиотеках, мемуарной литературе и специализированных собраниях (включая частную Библиотеку знаний КОН).

В тексте книги используется следующая система обозначений:

Жирный шрифт — информация, которая имеет документальное подтверждение (полицейские протоколы, дипломатическая переписка, церковные записи, прижизненные нотные издания и т.п.).

Обычный шрифт — сведения, полученные из мемуаров, легенд, слухов, эзотерических и конспирологических источников, а также гипотетические реконструкции и авторские предположения.

Автор не гарантирует абсолютную достоверность всех материалов, изложенных в книге, и не несёт ответственности за возможное несовпадение изложенных версий с иными историческими или религиозными концепциями. Читатель самостоятельно оценивает приведённую информацию и принимает решение о степени её правдоподобности. Любые решения, сделанные читателем на основе прочтения данной книги, являются исключительной ответственностью самого читателя.

Автор не ставил своей целью оскорбить, унижить или дискредитировать какие-либо исторические личности, социальные группы, религиозные объединения, этносы, государства или тайные общества. В случае если отдельные формулировки могут быть восприняты как задевающие чьи-либо чувства, автор приносит свои извинения и подчёркивает, что такие формулировки не являются намеренными.

Книга содержит изложение как официальной исторической версии, так и альтернативных (в том числе конспирологических) точек зрения. Автор сохраняет нейтралитет по отношению к каждой из них и предоставляет читателю право выбора.

Настоящее произведение не является призывом к действию, руководством к изготовлению алхимических веществ, инструкцией по обретению бессмертия или пособием по вступлению в тайные общества. Все описания алхимических и эзотерических практик приведены исключительно в историко-культурном контексте.

Читая данную книгу, вы соглашаетесь с тем, что автор не несёт юридической, моральной или иной ответственности за последствия вашего самостоятельного ознакомления с содержащимися в ней гипотезами и утверждениями.

Вступление

Приветствую тебя, читатель.

Меня зовут Владимир Иванов. **Я, автор этой книги, использую метод: жирным курсивом выделяю текст, который взят из официальных источников, а всё остальное — моё свободное слово.** Я не историк с дипломом и не профессор. У меня диплом юриста-правоведа, и я хорошо умею работать с текстом и анализировать в деталях. Я — независимый исследователь, мистик и хранитель Библиотеки знаний КОН. Что это такое? Скажем так: место, где собирается информация, о которой не пишут в обычных учебниках.

Граф Сен-Жермен заинтересовал меня много лет назад. Почему? Потому что он — один из тех немногих персонажей истории, кто умудрился остаться загадкой даже после своей смерти. Его нет ни в одной метрической книге при рождении, зато есть в десятках полицейских протоколов, дипломатических писем и церковных записей о смерти... которая, возможно, была не настоящей.

В этой книге я собрал всё, что удалось выяснить: факты, легенды, документы, свидетельства. Выделил жирным шрифтом то, что подтверждено архивами. Остальное оставил как есть — пусть каждый решает сам, во что верить.

Я не даю окончательных ответов. Но обещаю одно: вы узнаете об этом человеке больше, чем 99% людей на планете.

А тайну бессмертия... каждый открывает для себя сам.

*Владимир Иванов
Хранитель Библиотеки знаний КОН*

Предисловие. Между историей и мифом

Граф Сен-Жермен принадлежит к той редкостной породе исторических фигур, чья посмертная слава оказалась куда масштабнее и долговечнее прижизненной известности. Уже при первом приближении к его биографии исследователь сталкивается с парадоксом: перед нами человек, который десятилетиями вращался в высших кругах европейской политики и культуры, чьё имя мелькает в переписке королей, министров, дипломатов и полицейских осведомителей, — и вместе с тем мы не можем с уверенностью назвать ни даты, ни места его рождения, ни даже подлинного имени. Именно эта пустота в центре фигуры, это зияние на месте анкетных данных, и породила колоссальный массив легенд, слухов и откровенных мистификаций, в которых Сен-Жермен предстаёт то бессмертным адептом тайных наук, то шарлатаном и шпионом, то одним из «Владык Мудрости», направляющих ход человеческой истории.

Почему же его тень продолжает тревожить воображение спустя почти два с половиной столетия после официально зафиксированной смерти? Ответ, вероятно, лежит не столько в самих деяниях графа, сколько в той роли, которую он — осознанно или нет — принял на себя. Сен-Жермен стал живым зеркалом, в которое эпоха Просвещения, а за ней и последующие века, вглядывались с надеждой обнаружить доказательство того, что границы человеческих возможностей простираются далеко за пределы известного. В век энциклопедистов и механизма, когда мир, казалось бы, стремительно утрачивал ореол чуда, этот человек одним своим присутствием наводил на мысль, что существуют знания, недоступные академическим кабинетам, и силы, не описанные ньютоновской физикой. Сен-Жермен раздражал и завораживал одновременно именно потому, что в нём рассудочный XVIII век столкнулся с собственным иррациональным двойником.

Проблема источников, на которых вынуждена строиться любая попытка его жизнеописания, усугубляет загадку до степени почти неразрешимой. Мы располагаем четырьмя основными группами свидетельств, и каждая из них обладает собственной, зачастую обманчивой, оптикой.

Первую группу составляют мемуары современников — тексты предельно субъективные, написанные подчас десятилетия спустя после описываемых событий, нередко несущие на себе отпечаток литературного тщеславия авторов или их стремления свести счёты. Именно из мемуаров госпожи дю Оссе, камеристки маркизы де Помпадур, мы узнаём о знаменитом опыте с королевским алмазом; из воспоминаний Джакомо Казановы — о невероятном превращении серебряной монеты в золотую и о язвительной оценке Сен-Жермена как «прирождённого обманщика». Барон де Глейхен оставил зарисовки человека, который рассказывал о Франциске I с подробностями очевидца, а графиня д'Адемар создала целый пласт посмертной мифологии, утверждая, что граф являлся ей вплоть до 1820 года с предупреждениями о грядущих катастрофах. Все эти нарративы бесценны как слепки впечатлений, но они безнадежно окрашены личными пристрастиями рассказчиков и не могут служить надёжным фундаментом для реконструкции реальной биографии.

Второй, куда более твёрдый пласт образуют официальные документы: полицейские протоколы, записи церковных книг, списки масонских лож. **В архивах британского Министрства иностранных дел сохранился протокол допроса, снятого с Сен-Жермена в Лондоне в 1745 году, когда он был арестован по подозрению в шпионаже в пользу якобитов.** В этом документе, сухом и деловом, зафиксировано, что арестованный категорически отказался назвать своё подлинное имя и происхождение, но был вскоре освобождён, и недоразумение признано таковым. **Церковная книга Эккертсфёрде содержит запись о смерти графа де Сен-Жермена 27 февраля 1784 года — запись, подтверждённую впоследствии ландграфом Карлом Гессен-Кассельским в его мемуарах.** Архивы

Великого востока Франции числят Сен-Жермена в списках членов ложи «Saint Jean d'Écosse du Contrat social» с 18 августа 1775 по 19 января 1789 года. Эти свидетельства задают хронологические рамки и подтверждают реальность существования человека с этим именем, но они почти ничего не сообщают о его внутренней жизни и целях.

Третья группа — дипломатическая переписка — представляет, пожалуй, наибольший интерес для историка. **В архивах Британского музея и Министерства иностранных дел Франции сохранилась переписка, связанная с секретной миссией Сен-Жермена в Гаагу в 1760 году. Генерал Йорк, британский представитель в Голландии, в депешах лорду Холдернессу от 14 марта 1760 года подтверждал, что Сен-Жермен был уполномочен Людовиком XV и мадам де Помпадур для переговоров о возможном перемирии. Министр Шуазель в письмах послу д'Аффри требовал дискредитировать и выслать «этого авантюриста», что в итоге и было исполнено публичным королевским заявлением от 30 апреля 1760 года.** Эти документы неоспоримо свидетельствуют: кем бы ни был Сен-Жермен в частной жизни, в политической сфере он выполнял реальные, весьма деликатные поручения на самом высоком уровне.

И, наконец, четвёртый пласт — оккультная и теософская литература, которая вывела графа из области исторических штудий в пантеон эзотерических учителей человечества. Начиная с мемуаров графини д'Адемар и заканчивая трудами Елены Блаватской, Изабель Купер-Оукли и Елены Рерих, Сен-Жермен последовательно трансформировался из авантюриста Просвещения в «Владыку Мудрости», члена тайной Гималайской общины, обладателя эликсира бессмертия. Эти тексты сами по себе являются фактами — но фактами истории идей, а не биографии конкретного человека. Они документируют не жизнь графа, а мощную потребность человеческой психики иметь перед глазами пример того, кто преодолел смерть и время.

Таким образом, любое повествование о Сен-Жермене изначально разворачивается на минном поле, где подлинный документ невозможно окончательно отделить от изящной выдумки, на которую он сам — то ли в шутку, то ли с умыслом — провоцировал собеседников. Автор этой книги не ставит перед собой невыполнимой задачи написать «окончательную биографию» графа. Задача скромнее и одновременно честнее: пройти по всем сохранившимся уровням реальности, держа в одной руке лупу архивиста, а в другой — фонарь культуролога. На последующих страницах **задокументированные факты будут выделены жирным шрифтом** — это те немногие островки тверди, на которые можно ступить без риска немедленно провалиться в трясину мифа. Всё остальное — слухи, мнения, догадки, позднейшие наслоения — излагается обычным текстом. Эта типографская щепетильность — не педантизм, а вынужденная мера: читатель должен видеть, где кончается свидетельство и начинается легенда, потому что сам Сен-Жермен всю жизнь стирал эту грань с виртуозностью, которая и по сей день не имеет себе равных.

Часть I. Происхождение незнакомца

Глава 1. Тайна колыбели

Если человеческая жизнь подобна зданию, то фундаментом его служат метрическая запись, крестильное свидетельство, нотариально заверенный акт о появлении на свет. У графа Сен-Жермена этого фундамента не было вовсе — или, точнее, он был старательно, продуманно, почти демонстративно уничтожен им самим. Вся его биография, подобно готическому собору, вырастает прямо из тумана, и первый же шаг исследователя в этот туман — вопрос о происхождении — оказывается шагом в бездну. Это обстоятельство не случайно и не второстепенно: оно является ключом ко всей дальнейшей конструкции его личности. Человек, которого Европа знала под именем графа Сен-Жермена, начал свою публичную жизнь с акта радикального самоопределения — он решил не иметь прошлого, которое можно было бы проверить. И в этом решении, как в капле воды, уже отразилась вся его будущая судьба: дипломата, алхимика, мистификатора и, возможно, одного из самых утончённых разведчиков столетия.

Начнём с того немногого, что можно утверждать с документальной определённостью, — и здесь нас встречает парадокс: главным задокументированным фактом оказывается именно отсутствие фактов. **Ни в одном государственном, церковном или частном архиве Европы до сих пор не обнаружено записи о рождении человека с именем «граф Сен-Жермен».** Это имя — псевдоним, и то, что оно является сознательно избранным титулованием, а не родовым именем, подтверждается как прямыми заявлениями самого графа, так и всей совокупностью свидетельств о нём. **В полицейском протоколе, составленном при аресте Сен-Жермена в Лондоне в 1745 году, особо отмечено, что задержанный «категорически отказался сообщить своё подлинное имя и происхождение, заявив лишь, что он иностранец и владеет значительным состоянием».** Это официальный документ, фиксирующий не просто скрытность, но осознанную, последовательную позицию: даже под угрозой тюремного заключения по подозрению в шпионаже — обвинению, которое в военное время могло стоить головы, — он не раскрывает инкогнито. **Датский посол во Франции граф фон Ведель-Фрис в депеше от 24 декабря 1759 года докладывал своему правительству: «Я не могу в точности сказать Вам, Милостивый государь, кто он в сущности такой. Его не знает никто или почти никто. Он провёл здесь многие годы, оставаясь при этом неразгаданным».** Перед нами не праздное замечание, а сухая дипломатическая оценка: профессиональный разведчик расписывается в неспособности установить личность человека, вращающегося в высших кругах французской столицы. Наконец, **в письме датскому королю Фредерику V Сен-Жермен сообщает о себе сам: «По мужской линии я веду свой род от младшего сына короля, царствовавшего в восьмом веке... Мои беды и беды тех, кто был свидетелем моего рождения, принуждают меня умолчать об Отчизне моей и подлинном Имени...»** Здесь мы имеем уникальное сочетание: собственноручное признание графа в том, что его настоящее имя и родина скрываются намеренно, — и одновременно великолепный образец его излюбленного приёма: подбросить заманчивый намёк (королевское происхождение в VIII веке!) ровно для того, чтобы увести внимание от реального ответа.

На этом фундаменте пустоты расцвели три основные версии его происхождения, каждая из которых заслуживает пристального рассмотрения.

Версия о принадлежности к княжескому роду Ракоци — наиболее аристократическая и наиболее подробно разработанная. Главным её глашатаем выступил ландграф Карл Гессен-Кассельский, при дворе которого Сен-Жермен провёл свои последние годы и который

оставил о нём самые тёплые воспоминания. В своих мемуарах *«Mémoires de Mon Temps»*, опубликованных в 1861 году, Карл Гессенский утверждает, что Сен-Жермен лично поведал ему: он является сыном трансильванского князя Ференца II Ракоци и его первой жены, княгини Текели. Согласно этому рассказу, ребёнком он был отдан на попечение последнего герцога Тосканского из дома Медичи — Джованни Гасто, который воспитал его с исключительной нежностью, а повзрослев и узнав, что его единокровные братья носят титулы Санкт-Карла и Санкт-Элизабет, юноша избрал себе имя *Sanctus Germano* — Святой Брат. Ландграф добавляет: «Я, конечно же, не обладаю достаточными сведениями, чтобы доказать его высокое происхождение, однако о могущественном покровительстве герцога де Медичи, оказанном Сен-Жермену, я премного осведомлён из другого источника». Это честное признание в недостатке доказательств делает честь мемуаристу, но оставляет историка перед зияющей лакуной: никаких записей о третьем сыне Ракоци, отданном Медичи, в архивах Тосканы не обнаружено, а сама история выглядит слишком удобно сконструированной, чтобы объяснить и невероятную образованность графа, и его связи с высшей европейской аристократией. Чезаре Канту, библиотекарь главного Миланского книгохранилища и автор *«Истории Италии»*, имевший доступ к миланским архивам, также сообщает, что Сен-Жермен был сыном князя Ракоци и получил образование в Сиенском университете под патронажем Медичи. Это свидетельство придаёт версии вес, хотя и оно остаётся на уровне историографической традиции, а не архивно подтверждённого факта.

Вторая версия уводит нас в совершенно иной социальный и этнический контекст. Согласно ей, Сен-Жермен был сыном португальского еврея или, в более развёрнутом варианте, плодом тайного союза испанской вдовы из благородной семьи и мадридского банкира-еврея. Эта версия циркулировала при жизни графа и находила себе подкрепление как в его внешности, так и в его необычайных химических и алхимических познаниях — областях, где еврейские учёные эпохи действительно удерживали лидирующие позиции. Вольтер, чей язвительный ум не мог пройти мимо столь загадочной фигуры, в одном из писем обронил фразу о Сен-Жермене как о «сыне португальского еврея, который умеет делать золото» — характеристика, в которой скепсис просветителя смешан с типичной для эпохи небрежной ксенофобией. Косвенное подтверждение этой версии можно усмотреть в некоторых деталях: акцент и черты лица, отмеченные лондонским полицейским клерком в 1745 году, не вполне соответствовали типичному мажорскому или немецкому облику. В *«Mémoires»* герцога Шуазёля, заклятого врага Сен-Жермена, содержится намёк на то, что граф якобы признавался в происхождении из семьи португальских евреев. Впрочем, зная ненависть Шуазёля к графу, трудно считать это беспристрастным свидетельством. Интересно, что современный культуролог А. Ф. Строев в своём фундаментальном исследовании *«Те, кто поправляет фортуна»* характеризует Сен-Жермена как типичного авантюриста — «человека без отчизны, без роду и племени, без возраста, подобно „бессмертному“ графу Сен-Жермену, про которого так и неизвестно, испанец он, португальский еврей, француз или венгр, если не русский».

Третья версия, менее известная, но также имеющая хождение в мемуарной литературе, связывает его с самыми вершинами европейской монархии. Сен-Жермена называли внебрачным сыном португальского короля, а также отпрыском принцессы Пфальц-Нейбургской, вдовы последнего испанского Габсбурга Карла II. Эта версия объясняла бы его свободный доступ к закрытым каналам информации и покровительство, которое ему оказывали столь разные дворы, но она так же бездоказательна, как и остальные.

Возникает естественный вопрос: почему сам Сен-Жермен столь упорно и последовательно уничтожал собственное прошлое? Ответ, как представляется, не сводится к одной причине, а складывается из нескольких взаимосвязанных мотивов.

Во-первых, безопасность. Если он действительно был незаконнорожденным отпрыском высокопоставленных родителей — неважно, Ракоци ли, португальского ли короля, или кого-то ещё — его публичное признание автоматически втянуло бы его в сложные и потенциально смертельно опасные династические игры. Претенденты на престолы, даже самые отдалённые, были разменными фигурами в европейской политике, и их жизнь редко бывала спокойной. В случае же еврейского происхождения его положение в католических и протестантских дворах стало бы попросту невозможным: антисемитизм XVIII века был не просто предрассудком, а законодательно закреплённой нормой, исключавшей евреев из дворянского общества.

Во-вторых, свобода маневра. Человек без прошлого обладает уникальной способностью становиться кем угодно в зависимости от обстоятельств. Для дипломата и — как мы увидим далее — тайного агента, выполнявшего деликатнейшие поручения Людовика XV за спиной собственного министерства иностранных дел, такая способность была профессиональной необходимостью. Агент, которого нельзя идентифицировать, которому невозможно предъявить обвинение от имени какой-либо державы, потому что неясно, чей он подданный, — это идеальный инструмент секретной дипломатии.

В-третьих, капитализация тайны. Сен-Жермен, бесспорно, был гениальным психологом. Он рано понял, что отсутствие известного происхождения, будучи правильно подано, превращается из недостатка в преимущество. В салонах Парижа и Вены звание «человека ниоткуда», который туманно намекает на беседы с Клеопатрой и знание алхимических секретов, обеспечивало куда более прочное внимание и восхищение, чем титул какого-нибудь захудалого трансильванского князя. Пустота в графе «происхождение» стала экраном, на который каждый из его собеседников проецировал собственные фантазии о древней мудрости, тайной власти и бессмертии.

Однако не все современники были склонны видеть в этой завесе тайны лишь ловкий трюк. Некоторые голоса звучали в пользу высокого, хотя и вынужденно скрываемого рождения. **Граф Карл фон Кобленц, австрийский дипломат и человек весьма осведомлённый, в письме к первому министру Кауницу от 8 апреля 1763 года писал: «Мне он показался самым оригинальным из всех людей, которых я имел счастье знать ранее. О происхождении его я затрудняюсь говорить с уверенностью. Однако я вполне допускаю, что он может быть отпрыском весьма известной влиятельной фамилии, по той или иной причине скрывающий своё происхождение. Обладая огромным состоянием, он довольствуется весьма малым и живёт очень просто и незатейливо. Ему известны, по-видимому, все науки. И вместе с тем в нём чувствуется человек справедливый и порядочный, обладающий всеми достойными похвалы душевными качествами».** Эта характеристика, исходящая от трезвого государственного мужа, а не восторженного мистика, заставляет отнестись к версии о высоком происхождении серьёзнее, чем если бы мы имели дело лишь с салонными сплетнями. Чезаре Канту, работавший с миланскими архивами, поддерживал версию Ракоци, подчёркивая роль последнего Медичи. И, наконец, сам Сен-Жермен в редкие моменты, когда он приоткрывал завесу, — как в разговоре с графиней де Жанлис, где он показал талисман с портретом матери, повязанный ему на руку при рождении, — создавал образ не безродного проходимца, а трагической фигуры, с младенчества оторванной от семьи по причинам государственной необходимости.

Так или иначе, к моменту своего появления на большой европейской сцене в 1740-х годах граф Сен-Жермен был уже полностью сложившимся персонажем: человеком без возраста, без национальности и без корней, но с безупречными манерами, энциклопедическими знаниями и туго набитым кошельком. Именно эта комбинация отсутствий и избытков делала его одновременно и неотразимо притягательным для одних, и смертельно подозрительным для других. Тайна колыбели стала его первым и, возможно, самым главным творением.

Глава 2. Юность под покровом легенды

Если тайна рождения графа Сен-Жермена подобна запертой двери, к которой утрачен ключ, то его юность — это анфилада комнат, освещённых лишь редкими, тревожно мерцающими свечами. О детстве и молодости человека, называвшего себя Сен-Жерменом, мы не имеем ни одного прижизненного документа, который можно было бы с уверенностью счесть автобиографическим. Нет писем к родным, нет ученических аттестатов, нет записей наставников. Всё, чем располагает историк, — это несколько рассказов, переданных из вторых и третьих рук, но зафиксированных в мемуарах людей, лично знавших графа. Эти рассказы, подобно осколкам разбитого зеркала, не складываются в целостную картину, однако каждый из них отражает какой-то фрагмент образа, который сам Сен-Жермен желал запечатлеть в памяти современников. Изучать его юность — значит изучать не столько реальные события, сколько искусно сконструированную легенду, за которой, впрочем, могут угадываться контуры подлинной биографии.

Наиболее развёрнутая версия ранних лет графа принадлежит, как мы уже упоминали, ландграфу Карлу Гессен-Кассельскому — человеку, в чьём доме Сен-Жермен провёл последние годы и с кем его, судя по всему, связывали узы подлинного доверия. **В своих мемуарах «Mémoires de Mon Temps», увидевших свет в 1861 году, ландграф подробно излагает историю, услышанную непосредственно от самого графа.** Согласно этому рассказу, совсем ещё ребёнком Сен-Жермен был отдан на попечение последнего великого герцога Тосканского из дома Медичи — Джованни Гасто. Старый, бездетный, погружённый в меланхолию государь, последний представитель некогда блистательной династии, якобы обожал младенца и укладывал его на ночь в собственной опочивальне — жест интимной привязанности, немислимый вне уз ближайшего родства или, по меньшей мере, высочайшего покровительства. Если этот рассказ хотя бы отчасти правдив, он объясняет многое: и ту безупречную элегантность манер, которую отмечали все без исключения собеседники графа, и его глубокие познания в науках, и, возможно, ту ауру трагического избранничества, которая всегда его окружала. Последний Медичи, покровитель наук и искусств, чей двор во Флоренции ещё хранил отсветы ренессансной славы, мог дать своему подопечному образование, не уступавшее тому, что получали наследники величайших престолов.

Эту версию косвенно подкрепляет свидетельство Чезаре Канту, миланского историка и библиотекаря, имевшего доступ к архивам, ныне, возможно, утраченным. **Канту в своей «Истории Италии» сообщает, что Сен-Жермен был сыном князя Ракоци и что последний герцог Медичи дал ему образование в Сиенском университете.** Сиена в ту эпоху была одним из значительных интеллектуальных центров Италии, и обучение там вполне согласуется с тем энциклопедическим кругозором, который Сен-Жермен демонстрировал в зрелые годы. Однако, повторим: ни в архивах Сиенского университета, ни в документах флорентийского двора не найдено записей, которые можно было бы напрямую связать с нашим героем. Возможно, они существовали, но погибли; возможно, юноша числился под другим именем; возможно, вся история — изящная фикция. Но игнорировать её нельзя, потому что она была частью того образа, который граф сознательно выстраивал перед самыми близкими ему людьми.

Совершенно иной по тону, куда более интимный и пронзительный фрагмент легенды о юности Сен-Жермена сохранился в другом источнике. **В «Chroniques de l'Oeil de Boeuf», сборнике придворных анекдотов и исторических зарисовок, приведён рассказ, который граф будто бы поведал графине де Жанлис.** «Семи лет от роду, — говорил он, — я прятался в лесах, и за мою голову была назначена награда. В день моего появления на свет моя мать, которую мне так и не суждено было больше увидеть, повязала мне на руку талис-

ман со своим портретом». Автор хроники добавляет, что Сен-Жермен показал этот портрет своей собеседнице, и та увидела изображение женщины редкой красоты. Перед нами не просто анекдот, а тщательно выстроенная сцена, полная драматического символизма: ребёнок, преследуемый врагами, укрывающийся в лесной чаще, и единственная связь с утраченной матерью — талисман, физический объект, удостоверяющий его принадлежность к иной, высокой и опасной судьбе. Эта история, независимо от своей фактической достоверности, работала безотказно: она превращала безродного авантюриста, каким его хотели видеть враги, в трагического принца, жертву политических интриг, с младенчества лишённого наследства и дома.

Кем бы ни был Сен-Жермен по рождению, одно не вызывает сомнений: его образование было исключительным, и оно явно выходило за пределы стандартного дворянского воспитания эпохи. **Современники единодушно свидетельствуют, что он свободно владел испанским, португальским, итальянским и французским языками, понимал польский и английский, а также знал арабский и древнееврейский.** Этот лингвистический репертуар сам по себе очерчивает географию его возможных странствий и интересов: романская и центральная Европа, но также Ближний Восток и мир иудейской учёности. В XVIII веке арабский и древнееврейский были языками не дипломатии, а эзотерической и алхимической словесности, что дополнительно подкрепляло репутацию графа как адепта тайных наук. Добавим к этому его глубочайшие познания в истории, химии и музыке — и перед нами вырисовывается человек, чьё образование было одновременно и аристократически-гуманитарным, и практически-ориентированным на экспериментальную науку. Такой профиль знаний не был типичен ни для выпускника иезуитского коллежа, ни для придворного пажа; он говорил о продуманной, индивидуально составленной программе, возможной лишь под руководством выдающихся наставников.

Где и когда эти знания были получены — остаётся загадкой, но первые относительно подтверждённые документами появления Сен-Жермена на исторической сцене позволяют бросить ретроспективный взгляд на его предполагаемую молодость. **Согласно сведениям, приводимым историками Ф. В. фон Бартольд и Ламбергом, с 1737 по 1742 год Сен-Жермен находился в Персии при дворе Надир-шаха, где занимался научными исследованиями.** Это известие, если оно достоверно, отодвигает его активную деятельность далеко за пределы Европы и наделяет его редким для западного человека опытом непосредственного знакомства с восточной наукой, медициной и, возможно, алхимической традицией. Пребывание при дворе одного из величайших и самых жестоких завоевателей Востока — предприятие, требовавшее недюжинной смелости и дипломатической гибкости. Оно также могло объяснить наличие в арсенале графа тех специфических химических и медицинских знаний, которые он позже демонстрировал в Европе.

По возвращении в Европу след Сен-Жермена впервые попадает в поле зрения официальных инстанций. **В 1745 году, согласно письму английского писателя Хораса Уолпола и газетным сообщениям того времени, Сен-Жермен был арестован в Лондоне по подозрению в шпионаже в пользу якобитов.** Это первое задокументированное упоминание его имени в западноевропейском контексте, и оно сразу же задаёт двусмысленный тон: человек, называющий себя графом, оказывается под арестом как возможный агент враждебной политической силы. **Однако недоразумение было быстро улажено, невиновность Сен-Жермена доказана, и после освобождения он был приглашён на обед к лорду Харрингтону, секретарю министерства финансов и казначею Парламента.** Этот эпизод примечателен контрастом: из-под ареста — прямо в высшие правительственные крути. Он свидетельствует о том, что уже в этот ранний период у графа имелись могущественные покровители или, по крайней мере, безупречные манеры и репутация, позволявшие ему с лёгкостью преодолевать социальные барьеры.

Сразу после лондонского инцидента Сен-Жермен оказывается в Вене. **С 1745 по 1746 год он жил в австрийской столице, где, по свидетельствам современников, занял высокое положение и приобрёл дружбу премьер-министра императора Франца I, принца Фердинанда Лобковица.** Именно принц Лобковиц, влиятельнейшая фигура при венском дворе, познакомил графа с французским маршалом Бель-Илем, что впоследствии открыло Сен-Жермену дорогу в Париж. Этот момент — один из немногих в его биографии, где личные связи напрямую и документированно выводят его на орбиту большой политики. Мы не знаем, где и как принц Лобковиц и Сен-Жермен встретились, но сам факт их дружбы говорит о том, что к середине 1740-х годов наш герой был уже не просто загадочным странником, а человеком, чьё общество ценили первые лица государства.

Таким образом, юность Сен-Жермена, скрытая туманом, вырисовывается перед нами не как пустота, а как негативное пространство, очертания которого угадываются по тому, что мы знаем о его зрелых годах. Рассказы о Медичи и талисмани матери, лингвистические и научные познания, персидская экспедиция, лондонский арест и венская дружба с премьер-министром — все эти разрозненные фрагменты, если сложить их вместе, рисуют контур человека, с ранних лет готовившегося к какой-то исключительной миссии. Кем он был в действительности — наследным принцем, скрывающимся от врагов, бастардом великого рода, или же самородком, самостоятельно выковавшим из себя блистательного аристократа, — мы, вероятно, не узнаем никогда. Но важно то, что к моменту своего явления в парижском свете в конце 1750-х годов он был уже полностью экипирован для той роли, которую ему предстояло сыграть: роли человека, стоящего по ту сторону обычных человеческих категорий — национальности, возраста и происхождения. И с этой ролью он, как покажут дальнейшие события, справился безупречно.

Часть II. При дворах и в тайных канцеляриях

Глава 3. Первые появления и лондонский скандал

В истории тайной дипломатии и разведки XVIII века трудно найти дебют более эффектный и двусмысленный, чем первое задокументированное появление графа Сен-Жермена на английской земле. Он возникает из небытия не в качестве путешественника, коммерсанта или искателя покровительства — нет, его имя впервые попадает в официальные бумаги в связи с арестом по подозрению в государственной измене. И почти сразу же, с той стремительностью, которая станет его визитной карточкой, он не только выходит сухим из воды, но и оказывается за одним столом с высшими сановниками королевства. Лондонский эпизод 1745 года — это не просто курьёз или недоразумение; это своего рода камертон, по которому настраивается вся последующая мелодия жизни Сен-Жермена на грани между скандалом и респектабельностью, между шпионажем и дипломатией, между преследованием и покровительством.

Чтобы понять контекст, в котором разворачивались события, необходимо на мгновение перенестись в политическую атмосферу Британии середины 1740-х годов. Страна находилась в состоянии войны с Францией — то была Война за австрийское наследство, в которой Лондон и Париж, как обычно, сражались на противоположных сторонах. Но помимо внешнего врага существовал враг внутренний, и он был, пожалуй, опаснее. Династия Стюартов, свергнутая в 1688 году, не оставляла попыток вернуть себе британский престол. Молодой Карл Эдуард Стюарт, известный как Красавчик принц Чарли, находился во Франции, и его сторонники — якобиты — плели заговоры по всей Европе. В 1745 году это подспудное брожение выплеснулось в открытое восстание: в июле принц высадился в Шотландии, и его армия начала победоносное продвижение на юг, которое остановится лишь у самого Дерби, в двухстах милях от Лондона. Британское правительство жило в состоянии, близком к панике, и службы безопасности с удвоенным рвением выискивали иностранных агентов, якобитских эмиссаров и всех, кто мог быть причастен к заговору. Именно в этот накалённый момент в Лондоне и объявился человек, называвший себя графом Сен-Жерменом.

Сам факт ареста подтверждается несколькими независимыми источниками. В письме Хораса Уолпола, писателя, политика и неутомимого хроникёра своего времени, упоминается, что в 1745 году в Лондоне был задержан некий граф Сен-Жермен, подозреваемый в шпионаже в пользу якобитов. Газеты того времени также сообщали об этом инциденте, впоследствии квалифицируя его как недоразумение. Но главный документ — это полицейский протокол допроса, сохранившийся в британских архивах и впервые введённый в научный оборот исследовательницей Изабель Купер-Оукли в её фундаментальном труде «Граф Сен-Жермен. Тайна королей». Согласно этому протоколу, задержанный категорически отказался назвать своё подлинное имя и происхождение, заявив лишь, что «он иностранец и владеет значительным состоянием». Эта лаконичная формула — «иностранец, владеющий значительным состоянием» — достойна отдельного комментария. В ней нет ни капли заискивания, ни тени испуга; она спокойна, уклончива и одновременно полна достоинства. Человек, сидящий перед следователем, не оправдывается и не ищет покровителей — он ставит себя в позицию, при которой его богатство и статус говорят сами за себя, а происхождение остаётся за скобками как вопрос, не подлежащий обсуждению.

Однако самая поразительная часть этой истории — не арест, а его развязка. **После того как невиновность графа была установлена (или, по меньшей мере, не было найдено никаких улик, достаточных для предъявления обвинения), он не просто был осво-**

бождён — он был приглашён на обед к лорду Харрингтону, секретарю министерства финансов и казначею Парламента, одному из высших должностных лиц британского правительства. Газеты, в частности «Еженедельный журнал или Британский журналист» от 17 мая 1760 года, вспоминая об этом инциденте пятнадцатилетней давности, характеризовали его как «недоразумение». Перед нами поразительный социальный манёвр: человек, только что находившийся под арестом по подозрению в шпионаже, в течение нескольких дней — а может, и часов — превращается в гостя министерского обеда. Подобное возможно лишь в двух случаях: либо у него имелись могущественные заступники, чьё негласное поручительство перевешивало любые подозрения; либо его репутация, манеры и обхождение были столь безупречны, что власти сочли арест досадной ошибкой и поспешили загладить неловкость светским жестом. Возможно и третье объяснение, которое не исключает первых двух: британские власти могли решить, что столь загадочную фигуру выгоднее держать поблизости, под негласным наблюдением, нежели в тюремной камере, где от него не будет никакого проку.

Теперь обратимся к вопросу, который неизбежно встаёт перед каждым, кто изучает этот эпизод: был ли Сен-Жермен действительно связан с якобитами, или же арест стал результатом игры, которую он вёл на противоречиях между различными политическими силами? Ответ на этот вопрос упирается в фундаментальную проблему всей биографии графа: его истинные намерения и политические симпатии всегда оставались скрыты под маской светской любезности и туманных намёков.

Версия о реальной связи Сен-Жермена со Стюартами отнюдь не лишена оснований. Если он действительно был сыном Ференца II Ракоци, то якобитские симпатии были у него, можно сказать, в крови: Ракоци, вождь венгерского национального восстания, сам был союзником Франции и врагом Габсбургов, а дело Стюартов в Европе воспринималось как часть всё той же борьбы против гегемонии Лондона и Вены. Если же граф был португальцем или испанцем, его связи с католическими державами — традиционными покровителями якобитов — также могли быть весьма тесными. Наконец, сам характер его последующей дипломатической деятельности — секретные миссии, выполняемые в обход официальных министерств, игра на противоречиях между великими державами, — выдаёт в нём человека, для которого политические границы были не столько барьерами, сколько инструментами.

Однако существует и прямо противоположная трактовка. Согласно ей, лондонский арест был не провалом шпиона, а тонкой провокацией, возможно, даже инсценированной самим графом или его покровителями. Арест, привлёкший внимание прессы, и последовавшее за ним освобождение с засвидетельствованной невиновностью создавали ему репутацию человека, чья лояльность прошла проверку и была официально подтверждена. После такого эпизода он мог появляться при любом европейском дворе, ссылаясь на то, что британское правительство, самое подозрительное и осведомлённое в вопросах якобитизма, сняло с него все обвинения. В мире тайной дипломатии такой «сертификат благонадёжности» стоил дороже любого рекомендательного письма.

Есть и третья, более тонкая версия: Сен-Жермен мог быть двойным агентом или, пользуясь современным термином, «агентом влияния» — человеком, который не служит ни одной стороне безраздельно, но поддерживает контакты со всеми, извлекая выгоду из самого факта своей осведомлённости. Его последующая карьера, в которой он попеременно оказывался доверенным лицом Людовика XV, другом австрийских министров, собеседником британских дипломатов и гостем немецких князей, говорит в пользу того, что он никогда не связывал себя исключительной лояльностью ни к одной державе. В XVIII веке, когда понятие национального гражданства ещё только формировалось, а космополитическая аристократия свободно перетекала через границы государств, такая позиция была не только возможной, но и чрезвычайно выгодной.

Любопытное дополнение к лондонскому эпизоду сообщает биограф графа Поль Шакорнак. По его сведениям, в британских архивах сохранилась запись о том, что эксклюзивное право на публикацию музыкальных произведений Сен-Жермена было предоставлено издательству Уолша, и соответствующий документ подписан государственным секретарём Ньюкаслем 27 ноября 1749 года. Таким образом, всего через четыре года после ареста по подозрению в шпионаже имя графа фигурирует в официальной бумаге, подписанной одним из руководителей британского правительства, причём в сугубо мирном и респектабельном контексте. Этот контраст между арестантом 1745 года и композитором, чьи авторские права защищает государственный секретарь в 1749-м, — лучшая иллюстрация того, с какой головокружительной скоростью Сен-Жермен умел менять амплуа и перемещаться между мирами — от тайной политики до изящных искусств.

В конечном счёте лондонский эпизод остаётся загадкой, и, вероятно, именно такой эффект и был запланирован его главным действующим лицом. Сен-Жермен покинул Англию, оставив после себя шлейф из противоречивых впечатлений: для одних он был жертвой полицейского произвола, для других — ловким шпионом, сумевшим выкрутиться, для третьих — талантливым музыкантом и светским человеком, чьи связи простирались до самых верхов британского истеблишмента. Эта многозначность, эта способность быть разным для разных наблюдателей станет его постоянным методом. И уже очень скоро, перебравшись из Лондона в Вену, он применит этот метод на службе у двух враждующих держав одновременно.

Глава 4. Вена, Бель-Иль и путь в Париж

Лондонский эпизод 1745 года, сколь бы двусмысленным он ни был, дал Сен-Жермену нечто более ценное, чем свобода: он дал ему направление. Едва освободившись из-под ареста и, по-видимому, не испытывая ни малейшего желания задерживаться в стране, где его только что допрашивали как шпиона, граф перебирается в Вену — политическое сердце Священной Римской империи, город, где пересекались нити европейской дипломатии и где вершились судьбы государств. Этот переезд не был случайным или хаотическим бегством; ретроспективно он выглядит как продуманный и стратегически безупречный шаг. Человек без корней и без гражданства выбирает для следующего явления не глухую провинцию, а имперскую столицу, причём немедленно занимает в ней положение, которому мог бы позавидовать любой аккредитованный посол.

Факт пребывания Сен-Жермена в Вене в 1745—1746 годах подтверждается несколькими независимыми источниками, проанализированными историками от Лангевельда до Купер-Оукли. Согласно этим свидетельствам, граф не просто проживал в столице — он занял в ней «высокое положение» и был принят в самом избранном кругу. Ключевой фигурой этого периода стал принц Фердинанд Филипп Лобковиц, премьер-министр и ближайший советник императора Франца I Стефана. Чтобы осознать значимость этой дружбы, необходимо понимать, кем был принц Лобковиц. Представитель одного из знатнейших родов Богемии, он совмещал политическую власть с репутацией просвещённого мецената и страстного меломана. Именно Лобковиц, как мы узнаём позже из музыкальной биографии Сен-Жермена, разделял с графом интерес к музыке; возможно, их сближение началось именно на этой почве, прежде чем переросло в политическое доверие. Для человека, чьё происхождение было окутано тайной, дружба с имперским премьер-министром служила наилучшей из возможных рекомендаций: она означала, что в Вене его тайна либо известна и приемлема, либо сочтена несущественной перед лицом его личных достоинств.

Именно Лобковиц, этот «делатель королей» в имперской политике, стал мостом, соединившим загадочного графа с французским двором. **Принц познакомил Сен-Жермена с маршалом Шарлем-Луи-Огюстом Фуке де Бель-Илем, который находился в Вене с дипломатической миссией.** Бель-Иль был фигурой исключительного масштаба: блестящий военачальник, герой войны за Польское наследство, дипломат и в будущем — военный министр Людовика XV. Он принадлежал к тому типу французских аристократов, которые, подобно самому Сен-Жермену, мыслили в категориях не провинциальных границ, а общеевропейских интересов. Встреча двух этих людей — маршала, облечённого доверием короля, и таинственного странника, представленного имперским министром, — была, по-видимому, мгновенным взаимным узнаванием равных. Бель-Иль, как сообщают источники, был столь впечатлён графом, что пригласил его посетить Париж.

Однако между приглашением и его реализацией пролегла пауза длиной более чем в десятилетие. Это хронологическое зияние — одна из тех деталей, которые наводят на размышления. Если бы Сен-Жермен был просто светским авантюристом, ищущим выгоды, он, вероятно, ухватился бы за приглашение немедленно. Вместо этого он остаётся на орбите Вены и навевается в Париж лишь значительно позже. Чем он был занят в этот промежуток? **Документальные свидетельства, собранные, в частности, историком-розенкрейцероведом Францем Виттемансом в его «Истории братства Розы и Креста», указывают, что между 1750 и 1758 годами Сен-Жермен неоднократно возвращался в Вену, где выполнял поручения не только французского короля, но и Карла Лотарингского — брата императора Франца I и наместника Австрийских Нидерландов. Этот период —**

ключевой для понимания той уникальной политической роли, которую граф начал играть в Европе.

Здесь необходимо остановиться и оценить всю пикантность ситуации. С 1740 по 1748 год Франция и Австрия находились в состоянии войны. Даже после подписания Ахенского мира 1748 года их отношения оставались напряжёнными: столетия соперничества Бурбонов и Габсбургов не могли быть забыты в одночасье. И в этот самый период Сен-Жермен, как свидетельствуют источники, работает на обе стороны. Для французского короля он выполняет некие негласные миссии; для австрийского наместника — также. Человек, чья национальность неизвестна, становится доверенным курьером, связующим звеном, тайным каналом между дворами, которые официально всё ещё считают друг друга соперниками. Это возможно лишь в одном случае: если его услуги были столь ценны, что перевешивали любые подозрения в двойной игре.

Какого рода могли быть эти услуги? Исходя из того, что мы знаем о более поздних, лучше задокументированных миссиях Сен-Жермена, можно предположить, что он занимался тем, что в XX веке называли бы «неформальной дипломатией». Он зондировал почву для будущего альянса, передавал информацию, которую нельзя было доверить бумаге, и выполнял деликатные финансовые поручения. Известно, что именно в этот период, в 1756 году, произошла так называемая Дипломатическая революция — радикальная переориентация европейских альянсов, в результате которой вековые враги Франция и Австрия стали союзниками. Историки до сих пор спорят о подоплёке этого переворота, и фигура Сен-Жермена, снующего между Парижем и Веной с поручениями от обеих сторон, выглядит в этом контексте как недостающее звено, как тень, мелькающая на периферии великих событий. Прямых доказательств его участия в подготовке альянса нет, но совпадение времени, места и круга его покровителей слишком примечательно, чтобы быть случайным.

Стоит отметить и ещё одно обстоятельство, которое могло способствовать его успеху при австрийском дворе. Если версия о его происхождении из рода Ракоци верна, то в Вене его принимали не просто как талантливого иностранца, но как человека, чья семья была исторически враждебна Габсбургам, однако лично он предпочёл служить им. Это создавало ореол тайного принца, склонившего голову перед императором, — сюжет, льстивший самолюбию венского двора. Карл Лотарингский, чьё положение наместника Нидерландов было отчасти уязвимым, мог видеть в Сен-Жермене не только полезного агента, но и человека, чьи собственные династические претензии делали его заинтересованным в стабильности имперской системы — и, следовательно, в лояльности её ключевым фигурам.

Наконец, в 1757 году длинная прелюдия завершается, и Сен-Жермен появляется в Париже. **Именно маршал Бель-Иль, к тому времени уже военный министр Франции, лично представил графа великосветскому парижскому обществу, открыв ему двери в салоны, где решались судьбы королевства.** Тот факт, что Бель-Иль помнил о своём приглашении спустя десять с лишним лет и выполнил его с энтузиазмом, говорит о глубине впечатления, произведённого Сен-Жерменом при их первой встрече. Для парижского света появление этого человека стало сенсацией: о нём не знали ничего достоверного, но его рекомендовал военный министр, его покровителем был австрийский премьер, а его манерами восхищались все, кто с ним сталкивался. Почва для легенды была вспахана и удобрена.

Таким образом, венский период жизни Сен-Жермена предстаёт перед нами не как череда случайных визитов, а как осознанное и многолетнее выстраивание сети связей, охватившей две крупнейшие державы континентальной Европы. Он прибыл в Вену как человек без прошлого и без гражданства; он покинул её как доверенное лицо французского маршала и австрийского эрцгерцога. С этим багажом он и вступил на парижскую сцену, где ему предстояло достичь зенита своей прижизненной славы — и где его уже поджидал могущественный враг, герцог

Шуазёль, для которого загадочный граф станет наваждением и мишенью. Но это уже сюжет следующей главы.

Глава 5. Фаворит Людовика XV и мадам де Помпадур

Париж конца 1750-х годов был столицей не только Франции, но и всей просвещённой Европы — городом, где политическая власть, интеллектуальная мода и светское остроумие сплавились в уникальный, головокружительный коктейль. Версальский двор, ещё не подзревающий о своей близкой гибели, жил в ритме бесконечной смены фаворитов, интриг и удовольствий. Именно в эту золотую, предгрозовую пору на парижской сцене и появился граф Сен-Жермен — появился не как скромный проситель, а как человек, чьё явление было обставлено с театральной неотразимостью. Его представил ко двору не кто иной, как **маршал Бель-Иль, военный министр Франции**, один из столпов королевства. Уже одно это обстоятельство гарантировало, что на загадочного иностранца обратят внимание, — но никто не мог предположить, насколько быстро и прочно он завоюет доверие самого короля и его всемогущей фаворитки.

Круг, в который немедленно вошёл Сен-Жермен, сам по себе служил лучшей характеристикой его статуса. Среди его близких друзей в Париже источники называют **принцессу Иоганну Елизавету Ангальт-Цербстскую**, мать будущей российской императрицы **Екатерины II**, — женщину умную, амбициозную и прекрасно осведомлённую в европейской политике. С ним искали знакомства немецкий дипломат на датской службе **барон Карл Глейхен**, чьи мемуары станут одним из ценнейших источников о графе, и **престарелый маркиз д'Урфе**, аристократ, увлекавшийся алхимией и оккультизмом. Как замечает культуролог А. Ф. Строев, барон Глейхен «последовательно прельщался всеми великими чудотворцами своего времени», и то, что он с первого взгляда распознал в Сен-Жермене фигуру первого ряда, говорит о масштабе произведённого впечатления. Граф мгновенно стал сенсацией — но сенсацией особого рода: его не знали, но о нём говорили; его происхождение было тайной, но это лишь разжигало аппетит.

Решающий момент в завоевании им королевской милости оказался связан не с политикой, а с алхимией — или, по меньшей мере, с тем, что современники принимали за неё. **Главное свидетельство об этом эпизоде принадлежит мадам дю Оссе, камеристке маркизы де Помпадур, и содержится в её мемуарах, опубликованных в 1824 году.** Поскольку мадам дю Оссе наблюдала события из непосредственной близости к королевской фаворитке, её рассказ заслуживает самого пристального внимания — хотя, как и все мемуары, он окрашен личными симпатиями и антипатиями автора.

Вот как она описывает случившееся. Однажды граф Сен-Жермен оказался в обществе короля, и разговор зашёл о драгоценностях. У Людовика XV имелся алмаз с заметным дефектом — трещиной или пятном, значительно снижавшим его стоимость. Король, то ли в шутку, то ли движимый подлинным любопытством, попросил графа осмотреть камень. Сен-Жермен взял алмаз, внимательно его изучил и заявил, что может устранить изъян. Через некоторое время он вернул камень королю — дефект исчез, и алмаз стал «чистойшей воды». По словам мадам дю Оссе, его величество был «в восторге» и оставил этот алмаз себе на память. Когда же король принялся расспрашивать, каким образом было произведено улучшение, «граф ничего толком не ответил. Однако он подтвердил, что умеет увеличивать жемчужины и придавать им особый блеск».

Этот короткий эпизод — один из тех редких моментов, когда легенда и реальность сходятся в фокусе конкретного, осязаемого предмета. Алмаз, исправленный Сен-Жерменом, стал не просто королевским сувениром, а своего рода вещественным доказательством его необычайных способностей. Что именно проделал граф с камнем? Современная химия позволяет предположить, что он мог заполнить трещину прозрачной пастой или смолой с высоким коэф-

фициентом преломления, либо нагреть камень с каким-либо составом, маскирующим дефект. Но для непосвящённого наблюдателя, включая короля, это было чистое чудо, акт алхимической трансмутации в миниатюре. И Сен-Жермен, разумеется, не спешил разочаровывать публику техническими подробностями.

Слухи, побежавшие от этого случая, росли как снежный ком. Шёпотом передавали, что граф умеет не только устранять изъяны, но и «плавить бриллианты и из десяти-двенадцати маленьких сделать один большой, того же веса и притом чистейшей воды» — формулировка, которую позже воспроизведёт в своих мемуарах Казанова. Рассказывали, будто он способен увеличивать жемчужины и придавать им невиданный блеск. В салонах судачили, что его богатство — результат не наследства и не шпионских гонораров, а прямого обладания философским камнем, позволяющим превращать неблагородные металлы в золото. **Мадам дю Оссе добавляет в своих записках многозначительное наблюдение: «Его Величество, видимо, совсем ослеплён талантами Сен-Жермена и временами говорит о нём, словно о человеке высочайшего происхождения».** Король, который по должности знал всё о самых родовитых фамилиях Европы, допускал — или делал вид, что допускает, — что имеет дело не с безродным искателем приключений, а с тайным принцем, по каким-то причинам скрывающим своё имя.

— Это «ослепление» — или, вернее, глубочайшее доверие — выражалось не только в салонных разговорах. **Именно к этому периоду относится известие, сохранённое Фридрихом II Пруссим: по его словам, Людовик XV «подумывал о предоставлении ему [Сен-Жермену] в дар Шамборского дворца».** Шамбор — один из венцов французского Ренессанса, колоссальный охотничий замок в долине Луары, — не был загородной безделушкой; его передача иностранцу стала бы актом неслыханной королевской щедрости, подразумевавшим не просто милость, а почти что признание династического достоинства. Проект этот, если он действительно существовал, так и не был реализован, но сам факт его обсуждения на высшем уровне говорит о том положении, которое граф занимал в уме Людовика.

И всё же, даже купаясь в лучах королевского фавора, Сен-Жермен оставался для окружающих загадкой, причём загадкой, вызывавшей у профессиональных наблюдателей откровенную растерянность. **Наиболее красноречивое тому свидетельство оставил датский посол во Франции граф фон Ведель-Фрис. В депеше своему министру от 24 декабря 1759 года он писал: «Я не могу в точности сказать Вам, Милостивый государь, кто он в сущности такой. Его не знает никто или почти никто. Он провёл здесь многие годы, оставаясь при этом неразгаданным».** Дипломат, в чьи прямые обязанности входило знание всех значительных фигур при французском дворе, расписывается в полной неспособности идентифицировать человека, который тем временем запросто беседует с королём и его фавориткой. Эта депеша — не просто курьёз, а документ, фиксирующий уникальный статус Сен-Жермена: он был своим среди чужих и чужим среди своих, человеком, который находился в самом центре придворной жизни и одновременно — за её пределами.

Таким образом, к концу 1759 года граф Сен-Жермен достиг в Париже положения, которому мог бы позавидовать любой честолюбец. Он был вхож к королю в любое время, пользовался благосклонностью мадам де Помпадур, его обществом дорожили умнейшие люди эпохи. Его финансовое положение казалось неисчерпаемым, его знания — безграничными, его прошлое — непроницаемым. Однако эта блистательная позиция таила в себе и смертельную опасность. При дворе, где милость и опала ходили рука об руку, столь стремительный взлёт неизбежно порождал зависть. И самый опасный из его недоброжелателей уже занёс перо, чтобы нанести удар. Звали этого человека Этьен-Франсуа де Шуазель, и именно он станет тем министром, который превратит жизнь Сен-Жермена в арену открытой войны — сначала дипломатической, а затем и личной. Но прежде чем эта война разразится, графу предстояло выполнить

свою самую дерзкую и тайную миссию. Король, очарованный алхимиком, готовился доверить ему судьбу французского мира с Англией.

Глава 6. Дипломатическая дуэль: миссия в Гаагу

началу 1760 года Семилетняя война, этот первый поистине мировой конфликт, растянувшийся от лесов Огайо до равнин Силезии, вступила в свою самую изнурительную фазу. Франция истекала кровью и золотом. Её армии терпели поражения в Германии, флот был разгромлен при Кибероне, колонии в Америке и Индии висели на волоске. В Версале, за золочёными фасадами, зрело понимание: войну необходимо заканчивать, но заканчивать так, чтобы сохранить лицо и остатки империи. Однако официальная дипломатия была связана по рукам и ногам союзническими обязательствами перед Австрией, и министр иностранных дел герцог Шуазёль, выстроивший этот альянс, не мог публично инициировать сепаратные переговоры с противником. Именно в этот критический момент, когда государственные механизмы оказались слишком громоздки для необходимой гибкости, Людовик XV обратился к своему тайному оружию — человеку без гражданства и без ведомственной принадлежности.

Этим человеком стал граф Сен-Жермен.

Секретная миссия, возложенная на него в начале 1760 года, в самых общих чертах известна из нескольких пересекающихся источников. Главным из них является дипломатическая переписка, сохранившаяся в архивах Британского музея, — та самая, которую в начале XX века ввела в научный оборот Изабель Купер-Оукли. Согласно этим документам, Сен-Жермен был направлен в Гаагу с поручением прозондировать возможность заключения сепаратного мира между Францией и Великобританией, используя нейтральную Голландию как посредника. Идея была столь же дерзкой, сколь и опасной: за спиной австрийской союзницы и собственного министерства иностранных дел король Франции протягивал руку своему заклятому врагу — Георгу II. В случае успеха это могло спасти Францию; в случае огласки — разрушить систему альянсов и навлечь на короля обвинения в вероломстве.

О том, какое значение придавалось этой миссии, свидетельствует тот факт, что Людовик XV лично вручил Сен-Жермену специальный шифр для переписки — жест, подчёркивающий, что граф действовал напрямую от монарха, а не от какого-либо министерства. Это обстоятельство подтверждается несколькими мемуаристами, включая барона де Глейхена, и косвенно — всем дальнейшим поведением французского двора. Шифр, выданный королём, означал, что Сен-Жермен становился частью пресловутого «Секрета короля» (Secret du Roi) — тайной разведывательной и дипломатической сети, которую Людовик XV содержал параллельно с официальными структурами и о которой его собственные министры не имели полного представления. Маршал Бель-Иль, старый покровитель графа, подготовил все необходимые рекомендации; мадам де Помпадур, чьё влияние на короля в вопросах внешней политики было огромным, поддержала предприятие. Таким образом, миссия в Гаагу была санкционирована на самом верху, минуя все обычные инстанции.

События, развернувшиеся в Голландии, задокументированы с редкой для тайной дипломатии полнотой — и эта полнота объясняется тем, что британская сторона, в отличие от французской, не была заинтересована в сокрытии контактов. **В архивах Британского музея сохранилась переписка генерала Джозефа Йорка, британского полномочного представителя в Гааге, с лордом Холдернессом, государственным секретарём Северного департамента в Лондоне. В депеше от 14 марта 1760 года генерал Йорк докладывал, что встретился с графом Сен-Жерменом и обсуждал с ним возможность заключения перемирия между Францией и Англией. Йорк сообщал, что Сен-Жермен был уполномочен на эти переговоры лично Людовиком XV, мадам де Помпадур и маршалом Бель-Илем. Ответ лорда Холдернесса, датированный тем же периодом, гласил: «Сен-Жермен действительно может оказаться уполномоченным к ведению подоб-**

ных переговоров... Мы также заинтересованы в этом, ибо нам важно всё то, что способствует скорейшему продвижению к желанной цели».

Эта переписка — один из самых ценных документов во всей биографии Сен-Жермена. Она неопровержимо доказывает, что британское правительство, ознакомившись с его верительными грамотами (или с тем, что их заменяло), признало его полномочия. «Авантюрист» и «шарлатан», каким его часто рисуют, был признан достойным собеседником официальными представителями британской короны в вопросе о мире между великими державами. Это не просто штрих к портрету; это фундаментальный факт, который все последующие обличители графа вынуждены были как-то обходить или замалчивать.

Параллельно с политическими переговорами Сен-Жермен вёл в Голландии и финансовую деятельность. По данным французского посла в Гааге графа д'Аффри, изложенным в его депешах Шуазёлю, граф предлагал организовать для Франции огромный заём в размере 30 миллионов флоринов через голландских банкиров. Современный исследователь П. Андремон в книге «Три жизни графа де Сен-Жермена» убедительно показывает, что эти финансовые проекты служили прикрытием для дипломатических интриг. Схема была классической: человек, ведущий переговоры о мире, мог представляться просто деловым агентом, решающим вопросы кредитования. В случае провала политической миссии всегда можно было сослаться на то, что речь шла исключительно о деньгах. Такое совмещение ролей было виртуозным даже по меркам искушённой европейской дипломатии.

Однако сохранить тайну не удалось. Слишком много глаз следило за Сен-Жерменом, слишком много ушей ловило каждый его шаг. **Министр саксонского двора в Гааге Каудербах в своих донесениях точно описал характер миссии графа, упомянув, что тот действовал по поручению Бель-Иля и Помпадур и имел верительные письма, а его главным контактом с голландской стороны был граф Бентинк, президент Совета полномочных представителей провинции Голландия.** Эта утечка стала роковой. Информация достигла Парижа, и там она попала в руки человека, для которого Сен-Жермен был не просто конкурентом, а личным врагом.

Герцог Этьен-Франсуа де Шуазёль, министр иностранных дел и фактический глава французского правительства, был, пожалуй, самым блестящим и самым опасным человеком во Франции. Он выстроил австро-французский альянс, на котором зиждилась вся его внешняя политика, и любая попытка сепаратного мира с Англией угрожала этому альянсу разрушением. Но помимо политических мотивов, в его вражде к Сен-Жермену просматривалось и нечто личное: уязвлённое самолюбие министра, который обнаружил, что король ведёт за его спиной переговоры через какого-то безродного иностранца. Этому Шуазёль стерпеть не мог.

Проведав о миссии Сен-Жермена, Шуазёль предпринял молниеносную и беспощадную контратаку. Из Парижа в Гаагу полетели депешки послу д'Аффри с требованием любой ценой дискредитировать графа и добиться его высылки. Письмо Шуазёля от 10 мая 1760 года, сохранившееся в архивах французского МИДа, звучит с циничной откровенностью: «Я успел уже познакомиться в некоторых газетах с Вашим представлением против так называемого графа Сен-Жермена. Его, как мне думается, стоит поместить в какой-нибудь французской газете, чтобы эта публикация завершила нашу операцию по дискредитации авантюриста...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.